

- [Кристи Агата](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-
-

Кристи Агата

Птица со сломанным крылом

Мистер Саттертуэйт выглянул в окно и поежился. Дождь все лил и лил. Как плохо, что в деревенских домах нет приличного отопления, подумал он. Слава Богу, уже через несколько часов поезд увезет его отсюда в Лондон. Да, только после шестидесяти начинаешь в полной мере оценивать все достоинства столичной жизни.

Сегодня мистер Саттертуэйт особенно остро ощущал свой возраст. Все остальные гости в доме были гораздо моложе его. Четверо из них только что отправились в библиотеку проводить «сеанс столоверчения». Его тоже звали, но он отказался: ему доставляло мало удовольствия мучительно долго высчитывать буквы алфавита, а потом разбираться в их бессмысленных сочетаниях.

Да, в Лондоне все-таки намного приятнее! Хорошо, что он не принял приглашения Мейдж Кили – она звонила с полчаса назад, звала его в Лейделл. Она, конечно, славная девушка, но Лондон лучше.

Мистер Саттертуэйт снова поежился и вспомнил, что в библиотеке почти всегда тепло. Приоткрыв дверь, он тихонько пробрался в затемненную комнату.

– Не помешаю?

– Что это, Н или М? Придется пересчитывать!.. Ну что вы, мистер Саттертуэйт, конечно нет. Знаете, тут такое! Дух, по имени Ада Спайерс, говорит, что наш Джон вот-вот должен жениться на какой-то Глэдис Бан.

Мистер Саттертуэйт устроился в глубоком кресле у камина. Вскоре веки его смежились, и он задремал. Время от времени он сквозь сон слышал обрывки разговора.

– Что значит ПАБЗЛ? Это невозможно – разве что он русский... Джон, ты толкаешь столик – нет, я видела!.. Ага, кажется, явился новый дух.

Он снова задремал, но вскоре проснулся как от толчка, когда до его слуха донеслось новое имя.

– К-И-Н. Правильно?

– Да. Стукнуло один раз – значит, «да». Кин, вы хотите кому-нибудь из присутствующих что-то передать? Да. Мне? Джону? Саре? Ивлину? Нет? Странно, ведь здесь больше никого нет... А-а, может быть, мистеру Саттертуэйту? Отвечает «да». Мистер Саттертуэйт, это вам!

– Что он говорит?

Теперь мистер Саттертуэйт сидел в своем кресле, напряженно выпрямившись. Сна не, было ни в одном глазу. Столик затрясся, и одна из девушек принялась считать.

– ЛЕЙД... Нет, не может быть, чепуха какая-то! Ни одно слово не начинается с ЛЕЙД!

– Продолжайте, – приказал мистер Саттертуэйт так властно и уверенно, что сидящие за столиком беспрекословно подчинились.

– ЛЕЙДЕЛ... И еще одно Л. Так... Кажется, все.

– Продолжайте!

– Скажите, пожалуйста, еще что-нибудь. Молчание.

– По-моему, это все. Столик даже не шелохнется. Какая бессмыслица!

– Да нет, – задумчиво проговорил мистер Саттертуэйт. – Не думаю, чтобы это была бессмыслица.

Он встал и, выйдя из библиотеки, направился прямо к телефону. Соединили довольно быстро.

– Я могу поговорить с мисс Кили? Мейдж, милая, это вы? Я передумал. Если позволите, я приму ваше любезное приглашение. Оказывается, мое присутствие в Лондоне не так срочно, как я полагал... Да-да, к ужину успею.

Он повесил трубку. На его морщинистых щеках вспыхнул румянец. Мистер Кин загадочный мистер Кин!.. Мистер Саттертуэйт мог по пальцам пересчитать все свои встречи с ним, и каждый раз, когда появлялся этот таинственный господин, случалось что-нибудь неожиданное. Интересно, что же произошло – или вот-вот произойдет – в Лейделле?

Но, что бы это ни было, ему, мистеру Саттертуэйту, работа найдется. Он нисколько не сомневался, что в любом случае в развитии сюжета ему отведена не последняя роль.

Лейделл – большой старый дом – был собственностью Дэвида Кили, человека тихого и неприметного. К таким, как он, ближние нередко склонны относиться как к предметам обстановки. Однако их незаметность для окружающих ни в коем случае не означает отсутствия интеллекта – Дэвид Кили был блестящим математиком и автором книги, абсолютно недоступной для девяносто девяти процентов читателей. Как и большинство интеллектуалов, он не отличался особой живостью характера или личным обаянием. Его даже окрестили в шутку «человеком-невидимкой»: за столом лакеи с подносом могли запросто обойти хозяина, гости частенько забывали поздороваться и попрощаться с ним.

Иное дело его дочь Мейдж – натура открытая, полная жизни и кипучей энергии. Любому, кто с ней сталкивался, тут же становилось ясно, что перед ним очень даже нормальная, здоровая девушка, к тому же весьма хорошенькая.

Она-то и встретила мистера Саттертуэйта у дверей.

– Как замечательно, что вы все-таки приехали!

– Замечательно, что вы позволили мне приехать, хоть я и поторопился с отказом. Мейдж, деточка, судя по вашему виду, у вас все в полном порядке!

– Ах, у меня всегда все в порядке!

– Я знаю, но сегодня у вас вид просто исключительный – я бы сказал, цветущий. Что-нибудь случилось? Что-нибудь... особенное?

Она рассмеялась и чуть-чуть покраснела.

– Нет, мистер Саттертуэйт, так нельзя! Вы сразу всегда обо всем догадываетесь. Он взял ее за руку.

– Ага, значит, вы все-таки нашли своего суженого? Слово было несовременное, но Мейдж не возражала. Ей даже нравилась несовременность мистера Саттертуэйта.

– Честно сказать, да. Этого никто еще не знает – это тайна! Но вам, мистер Саттертуэйт, я не боюсь ее доверить. Вы всегда все умеете понять правильно.

Мистер Саттертуэйт питал особое пристрастие к чужим романам. Он был по-викториански сентиментален.

– Кто этот-счастливец, полагаю, лучше не спрашивать? Ну, в таком случае мне остается лишь выразить надежду, что он вполне заслуживает чести, которой вы его удостоиваете.

«Старичок просто прелесть!» – подумала Мейдж.

– Знаете, я думаю, мы с ним прекрасно поладим, – сказала она. – У нас одинаковые вкусы, взгляды – это же очень важно, да? Нет, правда, у нас с ним много общего, мы давно уже все-все друг о друге знаем... И от этого на душе делается так спокойно, понимаете?

– Понимаю, – сказал мистер Саттертуэйт. – Хотя лично мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то о ком-то знал абсолютно все – и именно присутствие некоторой тайны, как мне кажется, и помогает супругам сохранить взаимный интерес...

– Ничего, попробую все-таки рискнуть! – рассмеялась Мейдж, и оба отправились переодеваться к ужину.

Вниз мистер Саттертуэйт спустился последним. Он приехал сюда один, и его вещи распаковывал не его слуга, а это всегда его несколько раздражало. Когда он появился, все уже были в сборе, и Мейдж без лишних церемоний, как стало принято в последнее время, объявила:

– А вот и мистер Саттертуэйт. Все, я умираю от голода! Идемте.

Впереди рядом с Мейдж шла высокая седая женщина довольно яркой наружности. У нее был звучный ровный голос и красивое лицо с правильными чертами.

– Здравствуйте, Саттертуэйт, – сказал мистер Кили. Мистер Саттертуэйт чуть не подскочил от неожиданности.

– Здравствуйте, – сказал он. – Простите, я вас не заметил.

– Меня никто не замечает, – печально вздохнул мистер Кили.

В столовой все расселись за невысоким столом красного дерева. Мистера Саттертуэйта поместили между молодой хозяйкой и приземистой темноволосой девушкой, громкий смех которой выражал скорее непреклонную решимость быть веселой, чем искреннее веселье. Кажется, ее звали Дорис. Женщины такого типа меньше всего нравились мистеру Саттертуэйту: на его взгляд, их существование с художественной точки зрения ничем не оправдывалось.

По другую руку от Мейдж сидел молодой человек лет тридцати, в котором с первого взгляда можно было угадать сына красивой седовласой женщины.

А рядом с ним...

Мистер Саттертуэйт затаил дыхание.

Трудно было сразу определить, чем она его так поразила. Не красотой – нет, чем-то иным, неуловимым, ускользающим.

Склонив голову набок, она слушала скучноватые застольные разглагольствования мистера Кили. Она была здесь за овальным столом – и в то же время, как показалось мистеру Саттертуэйту, где-то очень далеко отсюда. По сравнению с остальными она выглядела словно бы бесплотной. Она сидела, чуть отклонясь в сторону, и в позе ее была завораживающая красота – нет, больше чем красота... Она подняла глаза, на секунду встретилась взглядом с мистером Саттертуэйтом – и он вдруг нашел слово: волшебство.

Да, в ней сквозило нечто волшебное – словно у обитателей Полых Холмов,^[1] лишь отчасти схожих с людьми. Рядом с ней все сидящие за столом казались слишком материальными.

Вместе с тем она возбуждала в нем жалость и умиление – похоже, ее необычайность угнетала ее самое. Мистер Саттертуэйт поискал подходящее определение – и нашел. «Птица со сломанным крылом», – мысленно произнес он. Довольный собой, он вернулся к вопросу участия девочек в скаутском движении, надеясь, что Дорис не заметила его рассеянности. Как только она обратилась к своему соседу справа, в котором мистер Саттертуэйт ничего интересного для себя не нашел, он повернулся к Мейдж.

– Что это за женщина рядом с вашим отцом? – тихонько спросил он.

– Миссис Грэм? Хотя нет, вы, вероятно, имеете в виду Мэйбл! Разве вы не знакомы? Это Мэйбл Эннсли. Ее девичья фамилия Клайдсли – она из того самого злополучного семейства.

Мистер Саттертуэйт замер. Да, он был наслышан об этом семействе. Брат застрелился, одна сестра утонула, другая погибла во время землетрясения – как будто всех их преследовал какой-то злой рок. Это, вероятно, младшая из сестер.

Неожиданно его отвлекли от размышлений – это Мейдж дотронулась под столом до его руки. Пока остальные были заняты беседой, она незаметно кивнула на своего соседа слева.

– Это я вам про него, – не очень заботясь о правильности построения фразы, шепнула она.

Мистер Саттертуэйт понимающе кивнул в ответ. Стало быть, молодой Грэм и есть избранник Мейдж. Что ж, судя по тому, что мистер Саттертуэйт успел увидеть – а смотреть он умел, – вряд ли она могла бы найти лучшую партию. Вполне приятный, располагающий и

здравомыслящий молодой человек. Оба они молодые, здоровые, что называется, нормальные – и вообще, прекрасно подходят друг к другу.

В Лейделле заведено было по-старинному: дамы выходили из столовой первыми. Мистер Саттертуэйт подсел поближе к Грэму и заговорил с ним. В целом он утвердился в своем первом впечатлении, однако что-то в поведении молодого человека как бы выпадало из общей картины. Роджер Грэм был рассеян, мысли его, казалось, блуждали, рука, ставившая на стол бокал, заметно дрожала.

«Чем-то он сильно обеспокоен, хотя причина для беспокойства не так серьезна, как он воображает, – сказал себе мистер Саттертуэйт. – И все же что бы это могло быть?»

После еды мистер Саттертуэйт обыкновенно принимал пару пилюль для улучшения пищеварения. На этот раз он забыл прихватить их с собой, поэтому ему пришлось подняться за ними в комнату.

Возвращаясь обратно, он спустился по лестнице и прошел уже полдороги по длинному коридору первого этажа, когда взгляд его случайно упал в открытую дверь застекленной террасы. Мистер Саттертуэйт застыл на месте.

Комната была залита лунным светом, на полу темнел странный узор от оконного переплета. На низком подоконнике, откинувшись в сторону, сидела женщина. Она тихонько перебирала струны гавайской гитары, но не в ритме современных песенок, а ритме старинном, давно забытом, похожем на перестук копыт волшебных коней по каменистым тропам зачарованных холмов.

Мистер Саттертуэйт смотрел как завороженный. На ней было платье из темно-синего шифона со множеством складок, оборок и рюшей, что создавало впечатление оперения птицы. Склонившись над гитарой, она что-то тихонько напевала.

Он вошел в комнату и стал медленно, шаг за шагом, приближаться к ней. Он был уже совсем рядом, когда она подняла глаза. Увидев его, она, как он заметил, ничуть не испугалась и не удивилась.

– Простите, если помешал... – начал он.

– Пожалуйста, садитесь.

Он присел на полированный дубовый стул возле нее. Она продолжала что-то еле слышно напевать.

– Какая колдовская ночь, – сказала она. – Вы не находите?

– Да, я тоже заметил что-то... колдовское.

– Меня послали за гитарой, – сказала она. – Но когда я проходила мимо террасы, мне вдруг захотелось посидеть здесь в одиночестве, при луне.

– Тогда, может быть, мне лучше... – приподнялся было мистер Саттертуэйт, но она остановила его.

– Оставайтесь, не уходите... Вы почему-то не нарушаете общей гармонии. Он снова сел.

– Сегодня очень необычный вечер, – сказала она. – После обеда я долго бродила по лесу и повстречала там одного человека. Он был такой странный: высокий и темный – как заблудшая душа... Солнце уже садилось, красные лучи, пробиваясь меж ветвей, падали на него, и от этого он стал похож на Арлекина Да? – Мистер Саттертуэйт наклонился к ней, сердце его забило.

– Я хотела с ним заговорить – он напомнил мне кого-то из моих знакомых, но так и не смогла найти его между деревьями.

– Мне кажется, я знаю, кто это был, – сказал мистер Саттертуэйт.

– Вот как? Скажите, он... действительно интересный человек?

– Да, он интересный человек.

Оба замолчали. Мистер Саттертуэйт был недоволен собой. Он чувствовал, что должен что-

то предпринять, но не знал что. Он только знал, что это что-то должно иметь отношение к его собеседнице.

– Временами, когда мы чувствуем себя несчастными, нам хочется убежать от окружающих, – заметил он несколько невпопад.

– Да, верно, – , начала она, но тут же оборвала себя и усмехнулась. – А, понятно, о чем вы. Но вы ошиблись! Все совсем не так. Мне захотелось сегодня одиночества как раз потому, что я – счастлива!

– Вы... счастливы?

– Да. Страшно счастлива.

Она произнесла это совсем тихо, но мистер Саттертуэйт невольно содрогнулся. Под словом «счастье» это странное создание понимало явно не то, что, например, Мейдж Кили. «Счастье» Мэйбл Эннсли могло, вероятно, означать величайший восторг, порыв, исступление – словом, нечто, лежащее вне понимания обычного человека. Мистер Саттертуэйт смутился.

– Я... не знал, – неловко пробормотал он.

– Разумеется – откуда бы вам это знать? Впрочем, мое счастье пока еще не наступило. Его еще нет – но скоро будет. – Она чуть подалась вперед. Представьте себе такую картину: вы стоите в густом-прегустом лесу, со всех сторон к вам подступают деревья, от них темно, вам уже начинает казаться, что вы никогда не сможете выбраться отсюда – и вдруг совсем рядом, за деревьями, вам видится страна вашей мечты, сверкающая и прекрасная. Она рядом, надо только выбраться из чащи – и все...

– Многое кажется прекрасным, пока с ним не соприкоснешься вплотную, сказал мистер Саттертуэйт. – Вещи самые отвратительные могут издали показаться прекраснее всего на свете.

Послышались шаги, мистер Саттертуэйт обернулся. В дверях стоял блондин с туповатым, невыразительным лицом. Это был Джерард Эннсли – за столом мистер Саттертуэйт толком его не разглядел.

– Мэйбл, тебя ждут, – сказал он. Вся ее одухотворенность мигом погасла.

– Иду, Джерард, – равнодушно отозвалась она, поднимаясь. – Мы немного заболтались с мистером Саттертуэйтом.

Из двери первой вышла Мэйбл Эннсли, за ней мистер Саттертуэйт. В коридоре он покосился через плечо и успел поймать на лице ее мужа выражение безысходной тоски.

«А ведь он все чувствует, – подумал мистер Саттертуэйт. – Он чувствует власть над нею неведомых сил. Бедняга!»

Гостиная была ярко освещена. Мейдж и Дорис Коулз шумно набросились на Мэйбл Эннсли:

– Куда это ты запропастилась, негодница?!

«Негодница» опустила на низенький табурет, настроила гитару и запела. Все хором подхватили.

«Возможно ли, – размышлял мистер Саттертуэйт, – чтобы „Моей крошке“^[2] посвящалось так много идиотских песен?»

Впрочем, он признавал, что их мелодии, изобилующие синкопами^[3] и подвываниями, были довольно трогательны, хотя и не шли ни в какое сравнение с любым старомодным вальсом.

В комнате было уже очень накурено, похожие мелодии сменяли одна другую...

«Нет беседы, – подумал мистер Саттертуэйт. – Нет хорошей музыки. Нет покоя». Ему захотелось, чтобы в мире стало поменьше шума и суеты.

Внезапно Мэйбл Эннсли, оборвав какую-то песенку, улыбнулась ему и запела Грига:

«Мой лебедь прекрасный...»

Это была любимая песня мистера Саттертуэйта. Ему нравилось бесхитростное удивление, звучавшее в конце:

«Ужель ты и впрямь был лишь лебедь?..»

После Грига все начали расходиться. Мейдж предлагала гостям напитки, ее отец, подобрав брошенную гитару, рассеянно пощипывал струны. Гости желали друг другу спокойной ночи и постепенно пододвигались к двери. Говорили все одновременно. Джерард Эннсли уже незаметно ретировался.

Выйдя из гостиной, мистер Саттертуэйт церемонно простился с миссис Грэм. Наверх вели две лестницы: одна была рядом с дверью гостиной, другая – в противоположном конце коридора. Мистер Саттертуэйт направился к дальней лестнице, миссис Грэм с сыном к ближней. Сбежавший раньше всех Джерард Эннсли тоже поднялся к себе по ближней лестнице.

– Мэйбл, прихвати сразу гитару, – посоветовала Мейдж, – не то утром непременно забудешь. Вам ведь в такую рань вставать!

– Идемте, идемте, мистер Саттертуэйт! – затараторила Дорис, хватая его под руку и увлекая за собой. – Рано в кровать, рано вставать... – ну, и так далее!

Мейдж подхватила его под другую руку, и они втроем дружно побежали по коридору под звонкий смех Дорис. Возле лестницы они остановились подождать Дэвида Кили, который следовал за ними более степенно, выключая по пути свет. Все четверо поднялись наверх.

На другое утро мистер Саттертуэйт уже готовился спуститься к завтраку, когда в дверь тихонько постучали и вошла Мейдж Кили. Лицо ее было смертельно бледно, она вся дрожала.

– Ах, мистер Саттертуэйт, мистер Саттертуэйт!..

– Деточка, что случилось? – Он взял ее за руку.

– Мэйбл... Мэйбл Эннсли...

– Да?

Что-то случилось. Но что? Что-то страшное, понял он. Мейдж едва могла говорить.

– Сегодня ночью она повесилась... У себя в комнате на притолоке. Это такой ужас! – И она разрыдалась.

– Повесилась?.. Невозможно! Непостижимо! Он постарался как-то утешить ее в своей старомодной манере, после чего поспешил вниз. Внизу он нашел расстроенного и вконец растерявшегося Дэвида Кили.

– Саттертуэйт, в полицию я уже позвонил – доктор сказал, что это обязательно. Он только что закончил осмотр... осмотр... О Господи, как это все неприятно! Наверное, она была страшно несчастлива, раз так с собой... И эта ее вчерашняя песня – вот уж право, лебединая! Да и сама она была похожа на лебедя. На черного лебедя...

– Да.

– «Лебединая песня», – повторил Кили. – Видно, у нее уже тогда было что-то на уме, да?

– По всей видимости, да. Во всяком случае, очень на это похоже.

Замявшись, он спросил, нельзя ли ему... Если, конечно...

Хозяин угадал, о чем он так сбивчиво просит.

– Да, разумеется, если хотите. Я и забыл, что людские трагедии – ваша *penchant*.^[4]

Он повел мистера Саттертуэйта наверх по широкой лестнице. Наверху сразу же возле лестничной площадки с одной стороны находилась комната Роджера Грэма, с другой – комната

его матери. Дверь последней была приоткрыта, и из щели выплывала тоненькая струйка дыма.

Мистер Саттертуэйт слегка удивился. Глядя на миссис Грэм, он ни за что бы не подумал, что эта почтенная дама может курить в столь ранний час. Точнее говоря, он вообще до сих пор не подозревал, что она курит.

Они прошли по коридору до предпоследней двери и остановились. Дэвид Кили вошел в комнату первым, мистер Саттертуэйт за ним.

За дверью располагалась небольшая спальня, по видимости, мужская. Боковая дверь вела из нее в смежную комнату. Войдя в эту вторую комнату, они тут же увидели конец веревки, которая все еще болталась на крюке, вбитом в притолоку. А на кровати...

Мистер Саттертуэйт некоторое время глядел на постель, на ворох синего шифона с рюшами и оборками, которые так напоминали птичьи перья. Глянув на лицо, он старался уже ни на что больше не смотреть.

Он перевел взгляд на входную дверь, на которой висел обрывок веревки, а с нее – на боковую дверь.

– Дверь между комнатами была заперта?

– Нет. Во всяком случае, служанка сказала, что нет.

– Эннсли спал? Он что-нибудь слышал?

– Говорит, ничего.

– Трудно представить, – пробормотал мистер Саттертуэйт и еще раз взглянул на лежащее на кровати тело.

– Где он?

– Кто – Эннсли? Внизу, с доктором.

Спустившись вниз, они обнаружили, что прибыл инспектор полиции. Мистер Саттертуэйт был приятно удивлен, узнав в нем своего старого знакомого инспектора Уинкфилда. Инспектор вместе с врачом поднялся наверх и оттуда через несколько минут передал, что просит всех собраться в гостиной.

Шторы уже были задернуты, и вся комната имела траурный вид. Заплаканная Дорис Коулз-то и дело промокала глаза носовым платком. Мейдж выглядела теперь решительно и настороженно – кажется, она уже вполне овладела собой. Миссис Грэм была спокойна, как всегда, и сидела с лицом серьезным и бесстрастным. Больше всех, по-видимому, трагедия поразила ее сына: он был просто сам не свой. Дэвид Кили, как обычно, маячил где-то на заднем плане.

Овдовевший супруг сидел один, несколько в стороне от остальных. Он пребывал в странном оцепенении и, кажется, не совсем понимал, что произошло.

Мистер Саттертуэйт, внешне спокойный, на самом деле был переполнен чувством ответственности и сознанием долга, который ему вскоре предстояло выполнить.

Инспектор Уинкфилд, в сопровождении доктора Морриса, вошел в гостиную и закрыл за собою дверь. Откашлявшись, он заговорил:

– Произошло печальное событие. Да, очень печальное событие. Поэтому я обязан задать всем вам несколько вопросов. Думаю, возражений не будет. Начну с мистера Эннсли. Простите мой вопрос, сэр, но я хочу знать, не высказывала ли ваша супруга намерения покончить с собой?

Мистер Саттертуэйт открыл уже было рот, но, поразмыслив, закрыл его опять. Время еще есть, решил он. Не стоит спешить.

– Покончить с собой?.. Н-нет, по-моему, нет. Ответ прозвучал до такой степени нерешительно, что все собравшиеся в гостиной украдкой бросили на Эннсли удивленные взгляды.

– Вы что, не совсем уверены, сэр?

– Нет... То есть уверен... Не высказывала.

– Понятно. А вы знали о каких-либо ее переживаниях?

– Нет. Нет, я... не знал.

– И она вам ничего такого не говорила? Например, что что-то ее угнетает?

– Н-нет... Ничего такого не говорила. Что бы там инспектор ни подумал, вслух он не сказал ничего. Вместо этого он перешел к следующему вопросу:

– Опишите вкратце события вчерашнего вечера.

– г Вечером мы все... разошлись по своим комнатам. Я сразу уснул и ничего не слышал. Сегодня утром меня разбудил визг служанки. Я бросился в смежную комнату и увидел, что моя жена... что она...

Голос его совсем замер. Инспектор кивнул.

– Ну-ну, довольно, можете не продолжать. Где и когда вы в последний раз видели свою жену вчера вечером?

– В последний раз... внизу.

– Внизу?

– Да. Мы выходили из гостиной все вместе, но я поднялся к себе, когда остальные еще прощались внизу.

– И вы больше ее не видели? Разве она не пожелала вам спокойной ночи, поднявшись в свою комнату?

– Когда она пришла, я уже спал.

– Но она направилась вверх лишь на несколько минут позже вас, так ведь, сэр? – Инспектор взглянул на Дэвида Кили.

Тот кивнул.

– Ее не было еще, по крайней мере, полчаса, – упрямо заявил Эннсли.

Взгляд инспектора скользнул к миссис Грэм.

– А к вам она не заходила, мадам?

То ли мистеру Саттертуэйту показалось, то ли действительно миссис Грэм на мгновение замаялась и лишь через секунду ответила с обычной уверенностью:

– Нет. Я прошла прямо в свою комнату и заперла за собой дверь. Я ничего не слышала.

– Так вы говорите, сэр, – инспектор снова принялся за Эннсли, – что спали и не слышали никаких звуков. Но ведь дверь между вашими комнатами как будто оставалась открытой?

– Да... кажется, так. Но ей незачем было проходить через мою комнату – в ее спальню из коридора ведет своя дверь.

– Но даже и в этом случае, сэр, вы должны были что-то услышать! Она, вероятно, хрипела, билась об дверь...

– Нет!

Тут уж мистер Саттертуэйт не выдержал. Лица собравшихся удивленно обернулись к нему. Он покраснел и стал даже заикаться от волнения.

– Прошу меня извинить, инспектор... Но... я должен сказать. Вы идете по ложному пути! По совершенно ложному пути. Миссис Эннсли не покончила с собой я абсолютно в этом уверен. Ее убили!

Воцарилась мертвая тишина, потом инспектор Уинкфилд тихо спросил:

– Что привело вас к такому выводу, сэр?

– Я... просто в этом уверен. У меня такое ощущение.

– Но, сэр, чтобы с уверенностью такое утверждать, одних ощущений мало должны быть и основания.

Надо сказать, что для самого мистера Саттертуэйта вполне достаточным основанием было

вчерашнее таинственное послание от мистера Кина. Однако, понимая, что полицейского инспектора этим не убедишь, он принялся торопливо подыскивать подходящее объяснение.

– Видите ли, вчера вечером я беседовал с ней... И она сказала, что очень счастлива. Да, именно так – что она очень и очень счастлива! Разве стала бы она такое говорить перед тем, как покончить с собой?

И, уже чувствуя себя победителем, добавил:

– К тому же она возвращалась в гостиную за гитарой, чтобы не забыть ее утром. Самоубийцы, как правило, о таких вещах не беспокоятся.

– Да, пожалуй, вы правы, – признал инспектор и обернулся к Дэвиду Кили:

– Она забрала с собой гитару? Математик пытался вспомнить.

– Да, кажется, забрала. Наверх она поднималась с гитарой в руке. Точно, она как раз заворачивала по лестнице, когда я выключил внизу свет.

– Как?! – воскликнула Мейдж. – Но вот же она! И в подтверждение своих слов указала на стол, где мирно покоилась гавайская гитара.

– Любопытно, – заметил инспектор и, круто повернувшись, прошагал к звонку.

Дворецкому приказано было разыскать служанку, убиравшую комнаты утром. Служанка вскоре явилась и ответила совершенно однозначно: придя утром в гостиную, она первым делом вытерла пыль с гитары.

Отпустив ее, инспектор сурово сказал:

– Я бы хотел поговорить с мистером Саттертуэйтом наедине. Остальные могут идти, однако прошу всех оставаться в Лейделле.

Едва за вышедшими закрылась дверь, мистер Саттертуэйт торопливо заговорил:

– Инспектор, я... Я уверен, что вы прекрасно владеете ситуацией. Да, прекрасно владеете! Просто мне показалось, что раз у меня, как я уже говорил, возникло такое сильное ощущение...

Инспектор поднял руку, видимо, желая прекратить дальнейшие оправдания.

– Мистер Саттертуэйт, вы совершенно правы. Ее убили.

– Так вы знали?.. – разочарованно произнес мистер Саттертуэйт.

– Есть кое-какие детали, которые насторожили доктора Морриса. – Он взглянул на доктора, присутствующего тут же. Тот кивнул. – На шее оказалась не та веревка, которой она на самом деле была удушена. Та была гораздо тоньше что-то вроде проволоки, вероятно. Эта проволока прямо-таки врезалась в кожу, а сверху уже наложился след от веревки. Ее попросту удушили, а уже потом повесили, чтобы представить как самоубийство.

– Но кто же мог?..

– Вот именно, кто? – сказал инспектор. – В этом весь вопрос. А что вы скажете о муже, который уснул, даже не пожелав жене спокойной ночи, и ничего не слышал – хотя находился тут же, за стеной? По-моему, нам далеко ходить не придется. Надо только выяснить, как они между собою ладили. Вот в этом-то, мистер Саттертуэйт, вы и должны нам помочь. Вы тут человек свой и можете то, чего не могу я. Так вот, выясните, какие между супругами были отношения.

– Но я не намерен... – гордо выпрямившись, начал мистер Саттертуэйт.

– Это уже будет не первое убийство, которое вы поможете нам раскрыть. Помните дело миссис Стренджуэйз? Поистине, сэр, у вас нюх на такие вещи!

Верно, нюх у него был.

– Постараюсь сделать все возможное, – тихо сказал он.

Неужели действительно Ричард Эннсли убил свою жену? Мистеру Саттертуэйту припомнился его вчерашний жалкий взгляд – взгляд человека, который любил и страдал. А мало ли на что может толкнуть человека страдание?..

Впрочем, у этого дела ведь должна быть и другая сторона. Мэйбл говорила ему, что только-только выбирается из темного леса. Она была переполнена ожиданием счастья – притом не тихого и благопристойного счастья, а счастья самозабвенного, счастья-экстаза...

Если Джерард Эннсли говорил правду, то вечером после его возвращения Мэйбл еще, по крайней мере, полчаса не входила в свою комнату. Однако Дэвид Кили видел, как она поднималась по лестнице. В этом крыле всего две комнаты, мимо которых она должна была пройти: комната миссис Грэм и комната ее сына.

Ее сына? Но ведь они с Мейдж...

Если бы между ними что-то было, Мейдж наверняка бы догадалась. Хотя нет, она не из тех, кто догадывается. В общем нет дыма без огня. Дыма...

Вспомнил! Запах дыма из двери спальни миссис Грэм...

Дальше он действовал не раздумывая. Вверх по лестнице, вот комната миссис Грэм... В комнате никого. Мистер Саттертуэйт запер дверь изнутри.

Он направился прямо к камину. В золе чернел целый ворох истлевших бумажек. Осторожно разглаживая их пальцем, он наконец обнаружил в самом низу несколько уцелевших обрывков, по-видимому, писем.

Несмотря на то, что обрывки были обгоревшие и разрозненные, кое-что можно было прочитать.

«Роджер, милый мой, жизнь может быть так прекрасна... Я и не знала...»

«...думаю, что Джерард знает... конечно, очень жаль, но что я могу поделать? Для меня не существует никого, кроме тебя, Роджер... Скоро мы будем вместе».

«О чем ты собираешься рассказать ему в Лейделле, Роджер? В письме ты выразился как-то странно – но я все равно не боюсь...»

Мистер Саттертуэйт достал конверт из ящика стола и осторожно сложил в него все обрывки. После этого он отпер дверь – и, распахнув ее, столкнулся лицом к лицу с миссис Грэм.

Момент был неприятный, и в первую секунду мистер Саттертуэйт несколько растерялся. Однако он тут же взял себя в руки и принял, вероятно, самое правильное решение, объяснив все как есть.

– Миссис Грэм, я произвел у вас обыск и кое-что нашел. В камине уцелело несколько обрывков писем...

В лице ее мелькнуло тревожное выражение. Мгновение – и все прошло, однако мистер Саттертуэйт успел это заметить.

–..писем миссис Эннсли, адресованных вашему сыну...

Она немного помедлила и ответила довольно спокойно:

– Верно. Я решила, что их лучше всего сжечь.

– Почему?

– Мой сын в ближайшее время собирается жениться. Эти письма – а после самоубийства несчастной их могли предать гласности – принесли бы ему только страдания и неприятности.

– Но ваш сын мог сжечь их и сам.

Она не нашлась, сразу, что ответить, и мистер Саттертуэйт воспользовался моментом, чтобы продолжить наступление:

– Вы увидели их у него в комнате, принесли к себе и сожгли. Почему? Да потому что вы боялись, миссис Грэм!

– Я не имею привычки бояться чего бы то ни было!

– Возможно, но ведь в данном случае положение было безвыходное.

– Я вас не понимаю.

– Вашего сына могли арестовать. За убийство.

– Убийство?!

Она смертельно побледнела. Мистер Саттертуэйт торопливо продолжал:

– Вы слышали, как вчера вечером миссис Эннсли зашла в комнату вашего сына. Он говорил ей раньше о своей помолвке? Насколько я понимаю, нет. Значит, сказал вчера! Они поссорились, и тогда...

– Это ложь!

Оба они так увлеклись словесной перепалкой, что не заметили и не услышали, как сзади подошел Роджер Грэм.

– Мама, все в порядке. Не беспокойся. Мистер Саттертуэйт, зайдите, пожалуйста, ко мне.

И мистер Саттертуэйт, вслед за молодым человеком, шагнул к нему в комнату. Миссис Грэм, даже не делая попыток последовать за ними, ушла к себе. Роджер Грэм закрыл дверь.

– Послушайте, мистер Саттертуэйт, насколько я понимаю, вы думаете, что я убил Мэйбл – что я задушил ее здесь, в моей комнате, а потом, когда все спали, тихонько отнес тело наверх и инсценировал самоубийство?

Мистер Саттертуэйт долго не сводил с него взгляда и ответил несколько неожиданно:

– Нет, я так не думаю.

– Что ж, спасибо и на этом. Я... я не мог бы ее убить. Я любил ее. А может, и нет – не знаю. Все так запутано, что я и сам не могу разобраться. Мейдж... Мейдж мне очень дорога... давно люблю ее. Она такая славная! Мы очень друг к другу подходим. С Мэйбл все было иначе... Она была для меня... как наваждение. По-моему, я даже ее боялся.

Мистер Саттертуэйт кивнул.

– Это было как экстаз, как какое-то безумие... Все равно из этого ничего бы не вышло. Такие порывы – они быстро проходят. Теперь я понимаю, что значит быть в плену у наваждения...

– Да, – задумчиво сказал мистер Саттертуэйт. – Вероятно, так оно и было.

– Я хотел наконец от всего этого избавиться... И вчера вечером собирался сказать об этом Мэйбл.

– Но не сказали?

– Нет, не сказал, – помедлив, ответил Грэм. – Клянусь, мистер Саттертуэйт, что после того, как все мы разошлись из гостиной, я больше ее не видел.

– Я верю, – сказал мистер Саттертуэйт. Он встал. Роджер Грэм не убивал Мэйбл Эннсли. Он мог предать ее, но не убить. Он ее боялся, боялся этого призрачного, загадочного наваждения. Он познал неутолимую страсть – и отвернулся от нее. Неясной мечте, способной завести его бог весть куда, он предпочел надежную, благоразумную Мейдж, с которой, он был уверен, у него все «выйдет».

Он был благоразумный молодой человек и как таковой мало интересовал мистера Саттертуэйта – ибо сей джентльмен воспринимал жизнь как художник и тонкий ценитель.

Оставив Роджера Грэма в его комнате, он спустился вниз. В гостиной никого не было. Гитара Мэйбл лежала на табурете возле окна. Мистер Саттертуэйт взял ее в руки и рассеянно провел по струнам. Он был почти не знаком с гавайской гитарой, но по звуку догадался, что инструмент безбожно расстроен. Он попробовал подкрутить колки.

В этот самый момент в гостиную вошла Дорис Коулз. Она поглядела на мистера Саттертуэйта с нескрываемым осуждением.

– Бедная гитара! – сказала она. Уловив упрек, пожилой джентльмен почувствовал, как в нем разыграло упрямство.

– Настройте ее, пожалуйста, – попросил он и добавил:

– Если, конечно, вы умеете.

– Разумеется, умею! – сказала Дорис, возмущенная предположением, что она чего-то не умеет.

Взяв у него гитару, она проворно провела рукой по струнам, но только повернула колок, как струна с жалобным звуком лопнула!

– Ой, как же так!.. Ах... Странно, это не та струна! Это «ля» – она должна быть следующей. Почему она здесь? Она же не должна стоять здесь! Кто мог поставить ее сюда?! Ну и ну!.. Кто же мог сделать такую глупость?

– Наверное, тот, – сказал мистер Саттертуэйт, – кто считает себя самым умным.

Он произнес это таким тоном, что Дорис недоуменно уставилась на него. Мистер Саттертуэйт забрал у девушки гитару, снял лопнувшую струну и, зажав ее в кулаке, вышел из гостиной.

Дэвида Кили он нашел в библиотеке.

– Вот, – сказал мистер Саттертуэйт и протянул ему струну.

Кили взял ее в руку.

– Что это?

– Струна. – Он помолчал немного, затем спросил:

– А что вы сделали с той, другой?

– С какой – другой?

– С той, которой ее задушили! Ловко придумано, ничего не скажешь. Все произошло очень быстро – пока мы все разговаривали у дверей, Мэйбл вернулась в гостиную за своей гитарой. Струну вы сняли еще раньше – пока вертели гитару в руках. Вы набросили петлю ей на шею и задушили. Потом вышли, заперли дверь и догнали нас в коридоре. Позже, ночью, вы еще раз спустились вниз и избавились от трупа, инсценировав самоубийство. Тогда же вы натянули новую струну – да только струна оказалась не той! Вот в чем ваша ошибка. Кили молчал.

– Почему вы это сделали? – спросил мистер Саттертуэйт. – Ради Бога, скажите мне, почему?!

Мистер Кили рассмеялся, и от его мерзкого хихиканья мистеру Саттертуэйту сделалось не по себе.

– Потому, – сказал он, – что это же было так просто! И еще потому, что на меня никто никогда не обращает внимания. Им нет до меня дела – вот я и решил над ними посмеяться!..

Он опять тихонько захихикал и посмотрел на мистера Саттертуэйта безумным взглядом.

Мистер Саттертуэйт почувствовал огромное облегчение от того, что в этот момент в комнату вошел инспектор Уинкфилд.

Спустя двадцать четыре часа мистер Саттертуэйт уже сонно покачивался в вагоне лондонского поезда. Очнувшись от дремоты, он обнаружил, что напротив сидит высокий темноволосый человек, но почти не удивился неожиданной встрече.

– Мистер Кин, дорогой, это вы?!

– Да, я.

– Мне стыдно смотреть вам в глаза, – сказал мистер Саттертуэйт. – Я потерпел фиаско.

– Вы думаете?

– Я не смог ее спасти.

– Но вы же разгадали загадку?

– Да, это верно. Конечно, не будь меня, кого-то из этих молодых людей могли бы заподозрить в убийстве или даже осудить... Во всяком случае, возможно, я кого-то спас. Но ее – это странное, волшебное существо... – Голос его дрогнул.

Мистер Кин взглянул на него в упор.

– По-вашему, смерть есть величайшее зло, которое грозит человеку?

– Величайшее зло?.. Нет, не...

Мистеру Саттертуэйту припомнились Мейдж и Роджер Грэм... Лицо Мэйбл в лунном свете, безоблачное, неземное счастье...

– Нет, – согласился он. – Наверное, смерть не есть самое большое зло.

Он снова вспомнил смятые складки синего шифона, похожие на перья.

Птица со сломанным крылом.

Когда он поднял глаза, напротив уже никого не было. Мистер Кин исчез.

Однако кое-что от него осталось.

На сиденье лежала грубо выточенная фигурка птицы из непрозрачного синего камня.

Пожалуй, она не представляла большой художественной ценности, и все же...

В ней было что-то магическое.

Так сказал мистер Саттертуэйт – а он кое-что понимает.

notes

Имеются в виду эльфы и феи – сверхестественные существа из кельтской мифологии. Согласно преданиям их обиталищем были пещеры и древние курганы.

Имеются в виду популярные песни в ритме блюз американских негров, посвященные «моей крошке» – бэби.

Синкопа (греч.) – распространенная в народной музыке американских негров ритмическая форма, заключающаяся в том, что ударение переносится с сильного времени такта на слабое, что придает ритмике особую четкость и динамичность.

Склонность (фр.).